

УДК 821.161.1

К.В. Бондарь
Тель-Авивский университет

ПСАЛТЫРЬ ФЕОДОРА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Евреи и славяне в средние века» Центра изучения диаспоры им. Гольдштейна-Горена Тель-Авивского университета

В статье обсуждаются вопросы кодикологии, палеографии, текстологии и языка *Псалтыри Феодора* – единственного в своем роде текста еврейско-славянской книжности, переведенного со средневекового еврейского на церковнославянский на территории Великого княжества Литовского. Затрагиваются обстоятельства появления этого текста и его спутника – *Послания Феодора*. Предлагается концепция современного научного издания памятника.

Псалтырь, перевод, «жидовствующие», Феодор, Ефросин, М.Н. Сперанский.

В статье рассматривается памятник, остающийся едва ли не единственным образцом «мирской» заказной литургической поэзии в древнерусской литературе – *Псалтырь Феодора*. По происхождению он является еврейским литургическим текстом, переведенным переводчиком-евреем (точнее, владевшим древнееврейским языком) для христиан в последней трети XV в. на церковнославянский язык. Этот сборник молитв был совершенно неизвестен в христианской среде, а между тем перевод, судя по колофону рукописи, был заказан митрополитом и посвящен великому князю. Предполагается, что Феодор («*Федор новокрещеный*») был жителем Киева, но в словарном составе и грамматике его перевода нет ярко выраженного сходства с еврейскими переводами на староукраинский и старобелорусский языки, сделанными в то время и позже в Великом княжестве Литовском. Согласно исследованиям К. Цукермана, сам факт перевода не был связан с какой бы то ни было ересью, не осознавался и не оценивался как отступление от православия. Он был лишь искусно стилизован под псалмы [10, с. 77–99]. *Псалтырь Феодора* демонстрирует один из путей проникновения еврейских текстов в русскую книжность – по официальным церковным и властным каналам. Тем более убеждает в правильности такой трактовки «Послание Феодора» [6], в котором он советует своим бывшим единоверцам-евреям пойти по его стопам и креститься.

Далее, «Книга глаголемая псалтырь», сохранившаяся в 2 списках XV в., в сборниках Ефросина, книгописца из Кирилло-Белозерского монастыря, представляет собой, вопреки названию, вовсе не *Псалмы Давидовы* из Ветхого Завета (или, в еврейской традиции, *Книгу Теилим*), но молитвы на Новый Год и Судный день средневекового восточноевропейского (ашкеназского) обряда, которые, конечно, в своем составе

содержат цитаты, вкрапления и перифразы из библейской Псалтыри. С самого начала исследования памятника появилась концепция, связывающая его появление с деятельностью еретиков-«жидовствующих». Об этом писали Н.С. Тихонравов и первый издатель текста М.Н. Сперанский. Этим предположениям, как кажется, противоречит тот факт, что Феодор осуществил свой перевод «милостью божией и здоровьем государя своего, великого князя Ивана Васильевича и благословением и приказанием Филиппа митрополита всея Руси» (М.И. Соколов – публикатор «Послания...») – утверждает, впрочем, только частичное совпадение молитв *Псалтыри* и еврейского молитвенника, который был ему доступен в русском переводе конца XIX в. [6].

Говоря о кодикологии памятника, следует отметить, что в рукописи № 6/1083 та тетрадь, в которой находится *Псалтырь Феодора*, претерпела изменения. Ее первые четыре листа заполнены окончанием *Псалтыри Феодора* (л. 273–276 об.), а вторая половина тетради оставалась пустой. Ефросин заполнил их чтениями из Пролога, а позднее вшил дополнительные листы. На основании филиграней (1477–1480 гг.) время создания списка в рукописи № 6/1083 определяется как 70-е гг. XV в.; в руки Ефросина он попал, вероятно, после 1475 г. В том году писец получил еще один список той же Псалтыри, не имевший начала и включенный им позднее в сборник № 9/1086. Этот список был вырван из другого сборника, и, вероятно, Ефросин искал недостающие части текста. Их он нашел в списке, дошедшем до нас в составе рукописи № 6/1083 [4, с. 24–25].

Несколько раз в своих работах обращался к памятнику А.А. Алексеев, пытаясь определить его место в истории еврейско-славянской книжности: «“Песнь Песней”, сохранившаяся в Музейном списке, вместе с

“Псалтырью” Феодора Жидовина и глоссами в списках Пятикнижия, образует связующее звено между древними и поздними переводами с еврейских оригиналов» [1, с. 143]; «между двумя группами источников (ранними и поздними переводами. – К. Б.) существует несколько изолированных документов, переведенных с еврейского оригинала, и для них пока не найдено ясной связи с названными группами. Это т.н. “Псалтырь Феодора Жидовина”, которая появилась между 1466 и 1473 гг. в Киеве и представляет собой свободный перевод гимнов из книги Махзор. В отличие от всех других переводов с еврейского она написана на церковнославянском языке, который свидетельствует об участии в работе более опытного книжника» [2, с. 170]. Вопрос, предполагается ли тем самым участие в работе другого книжника, помимо Феодора, остается пока без ответа.

Позиции А.А. Алексеева, в общем, не противоречат мнению М. Таубе: «...(текст. – К. Б.) находится в составе сборников, содержание которых не имеет ничего несовместимого с учением православной церкви, так что не приходится говорить о том, что эти тексты были переведены евреями для своих внутренних нужд... Напротив, переводы еврейских книг предназначались для употребления в христианских кругах. Вместе с этим трудно представить себе существование переводов с еврейского, выполненных на таком высоком уровне, без обращения к помощи евреев. Представление о знакомстве западнорусских христиан с еврейским языком на уровне, позволявшем выполнять переводы столь высокого качества, выглядит не вполне обоснованным допущением» [9, с. 384].

Не следует забывать и о том, что «часть переводов с еврейского XV–XVI вв. выполнена представителями движения жидовствующих в Московской Руси, которые, очевидно, находились в идеологическом и культурном контакте с евреями Литвы» [5, с. 205–206]. Из концепции А.И. Грищенко, подкрепленной многочисленными наблюдениями над библейскими текстами, можно сделать вывод, что появление *Псалтыри Феодора* следует рассматривать в контексте работы киевского гуманистического переводческого кружка второй половины XV в. [3, с. 140–143].

Нуждается в дальнейшей разработке также вопрос о времени, предпосылках и историко-культурных обстоятельствах перевода, который был связан не только с личностью Феодора, но и с упоминаемыми в *Псалтыри* и *Послании* митрополитами Ионой и Филиппом. В свое время В.М. Лурье в частной переписке ставил вопрос о том, почему и как возник культ Ионы Московского, который вместе с митрополитом Алексием (ум. 1378) вытеснил постепенно в составе «святителей московских» Киприана и Фотия. В наших материалах Иона – «патриарх Киевский и всея Руси» – упоминается только в «*Послании Феодора роду юдейску*», как открывший ему свет веры истинной. Можно ли проследить связь между этими фактами: отсылкой к Ионе у «Феодора новокрещенного» и тем особым местом, которое занял в истории русской церкви скончавшийся в 1461 г. митрополит, после которого окончательно произошло разделение митрополичьих кафедр на «Московскую и всея Руси» и «Киевскую, Галицкую и всея Руси»? Ведь Иона, по-

сле получения грамоты константинопольского патриарха Дионисия в 1467 г., стал рассматриваться как предтеча конфликта, связанного с непризнанием законности московской митрополии Константинополем, затянувшегося до 1560 г., до признания Макария «патриаршим экзархом», а по сути разрешенного вместе с учреждением патриаршества в 1589 г.

Перспективы исследования *Псалтыри Феодора* обусловлены тем, что после единственного издания М.Н. Сперанского [8] прошло больше 100 лет, оно давно стало библиографической редкостью и нуждается в переиздании. Воспроизведение текста по изданию М.Н. Сперанского, со сличением по двум имеющимся рукописям (поскольку список № 9/1086 дефектный, в основу издания, как и у Сперанского, должен быть положен список № 6/1083), должно учитывать, что в обоих списках текст находится во вставных тетрадах. Поскольку в течение последних десятилетий (работы С.Н. Кистерова, О.Л. Новиковой, М.А. Шибалева) представления о текстологии и кодологии ефросиновских сборников сильно расширились, это может повлиять на издательские и комментаторские решения. В издании необходимо подведение параллелей из молитвенника на Новый год и Судный день ашкеназского образца (древнерусский и древнееврейский параллельные тексты будут сопровождаться английским переводом). Представляется продуктивным рассмотреть место памятника в творческой биографии М.Н. Сперанского: возможно, сохранились известия о его работе над книгой 1907 г. или о последующих обращениях к тексту. В свете проблемы еврейско-славянских языковых контактов в ВКЛ очень важно представить характеристику языка памятника (см. некоторые лингвистические наблюдения в Приложении). Обычно западнорусская лексика сочетается в текстах со значительным проникновением грамматических черт живой славянской речи, потому что знание церковнославянской грамматики в юго-западной Руси XIV–XVI вв. было слабым [7]; в это время там вырабатывается и вытесняет церковнославянский язык из письменного обращения «проста мова», и перевод с еврейского, который мог быть сделан в Киеве в это время, только подтверждает это наблюдение: в его языке церковнославянский текст сопровождают элементы старобелорусской и староукраинской речи.

Кроме того, издание *Псалтыри Феодора* будет неполным без *Послания Феодора Жидовина*, опубликованного в сборнике «О ереси жидовствующих» 1902 г. и сохранившегося в единственном списке XVI в. (РГБ, Унд., № 1254, л. 59 и след.) [6]. В *Послании Феодора*, который отождествляется со времен П.М. Строева с Феодором – переводчиком *Псалтыри*, содержится княжеская титулатура, которая предвосхищает позднейшую (великий князь Василий Васильевич назван «русским царем»), и рассуждение о «ветхозаветной» троице, явившейся Аврааму. *Послание*, как явствует из самого текста, является ответом на некое письмо о христианской вере, полученное прозелитом Федором. В своих рассуждениях об основах христианской веры он упоминает о выведенных Христом из ада героях *Книги Даниила*, отроках Анании, Азарии и Мисаиле, а в сюжете о явлении трех путни-

ков Аврааму строит свое опровержение иудейского понимания этого сюжета на том, что Создатель не послал бы ради смертного сразу трех ангелов. Напротив, он явил себя сам в своем триединстве. Здесь же описываются важные символические параллели: поднесенный Авраамом путникам хлеб «прообразует» просфору; совершенное им омовение ног – крещение, а приготовленный телец – воскресшего Иисуса.

Очевидно, что для решения поставленных вопросов необходимы дальнейшие исследования *Псалтыри Федора* в широком историко-литературном контексте.

Литература

1. Алексеев, А.А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности / А.А. Алексеев. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – 238 с.

2. Алексеев, А.А. Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи. Результаты и перспективы исследования // Кенааниты: евреи в средневековом славянском мире / под ред. В. Московича, А. Торпусмана, М. Членова. – Москва; Иерусалим, 2014 («Jews and Slavs», vol. 24). – С. 166–183.

3. Грищенко, А.И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения / А.И. Грищенко. – Москва: Древлехранилище, 2018. – 176 с.

4. Кистерев, С.Н. Из наблюдений над сборниками бело-зерского писца Ефросина / С.Н. Кистерев // Кистерев С.Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2012. – С. 22–39.

5. Кулик, А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция / А. Кулик // История еврейского народа в России: в 3 т. – Москва; Иерусалим, 2010. – Т. 1. От древности до раннего Нового времени. – С. 187–211.

6. Послание Федора Жидовина // О ереси жидовствующих. Новые материалы, собранные С.А. Белокуровым, С.О. Долговым, И.Е. Евсеевым и М.И. Соколовым. – Москва, 1902. – С. 97–109.

7. Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. – Киев, 1888. – 216 с.

8. Сперанский, М.Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора Еврея / М.Н. Сперанский. – Москва, 1907. – 80 с.

9. Таубе, М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси / М. Таубе // История еврейского народа в России: в 3 т. – Москва; Иерусалим, 2010. – Т. 1. От древности до раннего Нового времени. – С. 365–395.

10. Zuckerman, C. The «Psalter» of Feodor and the Heresy of the «Judaizers» in the Last Quarter of the Fifteenth Century / C. Zuckerman // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 11. – No. 1/2 (June 1987). – Pp. 77–99.

K.V. Bondar

THE PSALTER OF FEODOR: LINGUISTIC, HISTORICAL AND LITERARY ASPECTS

The article discusses the issues of codicology, paleography, textology, and language of *The Psalter of Feodor*. This one of a kind text of the Hebrew-Slavic writings was translated from medieval Hebrew into Church Slavonic in the territory of the Grand Duchy of Lithuania. The article deals with the circumstances of appearance both of this text and its companion, *The Message of Feodor*. The concept of the modern scientific publication of the monument is proposed.

Psalter, translation, Judaizers, Feodor, Efrosin, M.N. Speransky.

Приложение

Таблица 1

Элементы «простой мовы» в Псалтыри Федора

«Псалом»	Лексема и синтагма	Примечание
1	Б(о)гъ веліи мочныи и грозныи	Ср. псалом 30: г(осподь) ѿ ц(арь) веліи и мочныи и грозныи
3	И што гъ(спод)ство в роукоу твоєю	Ср. псалом 24: што нам молитися и гл(агол)ати; Колофон: што привель о(т) евр#иска >зыка на роускыи >зыкь
22	Есть на ни(х) мочн#ишца силы	Ср. псалом 26: о(т) роуку мочн#иш(аго)
23	Радство и весельство	
25	Оц#сти (вар. – оцисти) моа скверна> д#ла	Ср. псалом 47: Оцисти с(е)р(д)ца наша
40	Бес починка и бес конца	
57	Сытовъство нашо о(т) твоєи доброд#тели	
Заключительная песнь – «Ф дв(ы)дова»	Зане > оумрыи а ты в#чныи а >зь рожень а ты безначалны	

Таблица 2

Староукраинские черты в Псалтыри Федора

В тексте	Староукраинская форма	Великорусская форма
Строка 17	изгоры	Згоры
Строка 33	О с(вя)тїи троици	О с(вя)тїи
Строка 42	развїе	Развѣ